

ЭТИКЕТНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КАТЕГОРИЯХ «ПРЯМОТЫ» vs. «НЕПРЯМОТЫ»

В статье рассматриваются этикетные особенности речевого поведения в общеизвестных категориях «прямоты» и «непрямоты». Общие правила соотношения прямой и непрямой коммуникации особым образом проявляются в случае функционирования систем этикета: любая возможная непрямая коммуникация (в том числе вежливые косвенные высказывания) не выходит за пределы факультативных смыслов, дополнительных по отношению к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо. Формулы речевого этикета, вошедшие в язык, образуют одну из многочисленных семиотических, ограниченных подсистем внутри неограниченной, семантической по преимуществу системы – естественного человеческого языка.

When communicative system of etiquette is employed, special relations between direct and indirect communication are established: every possible indirect communication (including polite indirect speech acts) has only a marginal communicative meaning. The basic etiquette communicative meaning is inevitably expressed directly. The formulas of speech etiquette, which have become a part of the language, form up one in a series of limited communicative systems within a generally unlimited communicative system — a natural human language.

Как и любая коммуникативная система, этикет имеет виртуально-актуальную природу. При функционировании подобной системы всегда имеет место некоторая вариативность, а значит, непрямая коммуникация. Как любая коммуникативная ситуация, ситуация использования системы этикета «обрастает» множеством дополнительных смыслов, проистекающих из ситуации общения и в конечном счете неисчислимых и непредсказуемых. Кроме того, использование этикетных формул может преследовать разные цели, вплоть до противоположных, изначально присущим им (ирония, сарказм, издевка), – в этом случае от собственно этикета остается одна только форма высказывания. В этикетной коммуникации, как и в человеческой коммуникации в целом, итоговый коммуникативный смысл является прерогативой интерпретирующего адресата высказывания (смотрите положения интеракционной модели коммуникации). Никакие усилия говорящего построить высказывание так, чтобы достигнуть единственно желаемого эффекта, не дают гарантий того, что реак-

ция адресата будет именно такой, какая требуется в данном случае.

Однако данный тип обнаруживает несколько принципиальных отличий с точки зрения распределения в нем элементов прямой и непрямой коммуникации.

При использовании системы этикета в коммуникации наличие знака находится в жесткой оппозиции к его отсутствию, а отсутствие знака является значимым и понимается как отсутствие этикетного знака обычно понимается и трансформация формы, что характерно для «семиотических» систем (по Э. Бенвенисту). Даже бытовой речевой этикет, допускающий большую свободу и, казалось бы, неограниченное варьирование, является такой же «семиотической» системой: наличие знака является обязательным (пусть требования к его форме гораздо менее жесткие), а отсутствие знака является значимым.

В этикетных знаках сочетается формальная прямота, проистекающая из «семиотической» природы системы этикета, и содержательная неполнота, проистекающая из их принадлежности к дейктическим зна-

кам – лингвистическим переменным. Будучи включенными в конкретную ситуацию общения, знаки речевого и неречевого этикета в ее пределах точно и однозначно транслируют смыслы.

Хотя в любой ситуации использования системы этикета присутствуют смыслы, выражающие непрямоту (высказывание можно произнести нейтрально, можно более вежливо), они всегда остаются лишь маргинальными, дополнительными к основным этикетным смыслам, всегда выраженным прямо. Собственно этикетные смыслы, то есть смыслы институциональных действий в социальном измерении реальности, таких как *извинение, поздравление, соболезнование* и так далее, как правило, не допускают полисемию и омонимию: главное этикетное содержание должно быть выражено точно, и в полном объеме и должно быть понято однозначно.

Любая возможная косвенность этикетных речевых действий принципиально ограничена: она не может затрагивать в них главного, то есть собственно этикетного содержания. Так, в русской речи ничем другим нельзя заменить обращение *Вы*, если отношения между собеседниками имеют официальный характер.

Вспомним разговор князя Мышкина с Лебедевым о генерале Иволгине (Ф.М. Достоевский. Идиот): генерал, поддавшись порыву алчности, украл у Лебедева кошелек, а потом, устыдившись собственного поступка, подбросил кошелек назад. К тому времени пропажа была обнаружена, но Лебедев пока не сообщил о ней никому, кроме князя Мышкина. Лебедев обсуждает с князем, как ему следует поступить. Мышкин горячо просит его простить генерала, настаивая на том, что, во-первых, последний поступок генерала свидетельствует о его раскаянии, во-вторых, – и это очень интересно – будто бы тот, подбросив кошелек без объяснений, тем самым уже совершил этикетное действие: он извинился, и извинился **прямо**:

— *Помилуйте, да уж тем одним, что он так на вид положил вам пропажу, под стул да в сюртук, уж этим одним он вам*

прямо показывает, что не хочет с вами хитрить, а простодушно у вас прощения просит. Слышите: прощения просит! Он на деликатность чувств ваших, стало быть, надеется; стало быть, верит в дружбу вашу к нему. А вы до такого унижения доводите такого... честнейшего человека! <...> с ним будьте ласковы, но... не слишком делайте вид, и... и... знаете...

— *Знаю, князь, знаю, то есть знаю, что, пожалуй, и не выполню; ибо тут надо сердце такое, как ваше, иметь.*

Можем ли мы согласиться с князем Мышкиным в том, что генерал *уж этим одним прямо показывает, что прощения просит*? Конечно же, нет: это никак не может быть прямым извинением, а следовательно, не может быть извинением вообще. И Лебедева не удовлетворило такое “извинение”: он был тронут благородством Мышкина, заступающегося за генерала, но отказался следовать его совету. Лебедев фактически настаивает на прямом извинении, которого генерал предпочел бы избежать. Реакция Мышкина – это реакция сверхдоброты, сверхблагородного человека, но ее именно поэтому нельзя считать в этой ситуации обычной или стандартной.

Мы вслед за В.С. Храковским и А.П. Володиным разграничиваем вежливость как явление косвенно-речевое, представляющее собой факультативное «украшение» речи, и этикет как явление обязательное (часто языковое), при нарушении которого не может нормально осуществляться коммуникация. Этикетные смыслы всегда выражены и при этом всегда выражены именно так, в такой форме, какая требуется, то есть **прямо**.

Таким образом, общие правила соотношения прямой и не прямой коммуникации особым образом проявляются в случае функционирования систем этикета: формулы речевого этикета, вошедшие в язык, образуют одну из многочисленных семиотических, ограниченных подсистем внутри неограниченной, семантической по преимуществу системы – естественного человеческого языка.